

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

ЛИКИ ВЛАСТИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ РИТМА ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

«Существует неразрывная связь между властью и ритмом. То, что власть предписывает в первую очередь, это ритм (ритм всего на свете – жизни, времени, мысли, дискурса)», – писал Р. Барт. В свете «ритмической организации процесса индивидуации», предложенной Паскалем Мишоном, власть предстает как «ритмический медиум».

Ключевые слова: теория ритма, ритмическая организация процесса индивидуации, историческая антропология субъекта, власть как «ритмический медиум».

Зигмунд Бауман, размышляя о нашей «текущей современности» отметил, что власть содержит в себе два ингредиента: государство и «мощь»¹. Термин «мощь» мэтр современной социологии считает русским эквивалентом немецкого понятия *Machte* (букв. – *сила, мощь, власть, государство*), введенного в науку М. Вебером. По-французски его переводят как *pouvoir*, английский аналог – *power*. Последние термины, заметил Бауман, переводятся по-русски, к сожалению, как власть. Хотя власть включает в себя две составные части: мощь и политику. Мощь – это возможность действовать: не только думать, размышлять, но и «делать вещи, чтобы они были сделаны». Политика – это понятие, обозначающее возможность принять решение. Эти две составные части власти в течение двух столетий существовали в состоянии брака, а местом их совместного проживания являлось национальное государство. Однако за последние десятилетия этот союз распался. Значительная часть мощи переместилась в надгосударственное глобальное пространство, где нет того, кто определяет выбор вещей, которые должны быть сделаны. Но политика, как и сто лет назад, остается политикой национального государства. В результате те функции, которые государство обещало исполнить, попросту перерастают его возможности. Главной задачей XXI века Бауман считает преодоление разрыва между политикой и мощью. Их надо вновь «поженить», говорит социолог.

Французский историк и философ Паскаль Мишон, работы которого являются основным источником этого текста, полагает, что в новом глобализованном мире трансформации реальности опережают разработку теоретического инструментария для ее анализа². В условиях то-

¹ Бауман. 2011.

² Michon. 2007.

тальной коммерциализации человеческих отношений «десистематизация», «разгосударствление», «раздисциплинирование» присутствуют во всех сферах жизни. Разобраться в этом при помощи традиционных объяснительных схем и привычных концептов «система», «структура», «индивид», «взаимодействие» удастся не всегда. Радикальная критика мирового порядка тридцати-сорокалетней давности определенно утрачивает свой освободительный заряд, превращаясь в опору неолиберализма. Это касается и всех существующих концепций власти, в том числе реляционных, во многом направленных против традиционного дуализма, который и сегодня сохраняет свои позиции и в философии, и в социальных науках. Ситуация осложняется тем, что переизбыток информации и ее доступность породили так называемый «академический фагоцитоз», проявляющийся в поверхностном переваривании критической мысли, которая является лишь поводом для получения научных степеней и бесчисленных комментариев³. Кроме того, происходит катастрофический поворот в сторону дисциплинарного знания. Междисциплинарность во всех ее формах нередко остается лишь лозунгом. В социальных науках, включая историю, по словам Мишона, «свирипствует академизм», в котором высшая ценность – эмпиризм и позитивизм. Считается, что достаточно собрать данные, а далее они вполне представляемы без всяких теоретических усилий. Все вместе взятое делает задачу обновления концептуального мышления прагматической необходимостью. Для начала, по Мишону, необходима радикальная историзация интеллектуального наследия, в том числе структуралистской и постструктуралистской критической мысли. Речь идет о том, чтобы вернуть эту мысль в контекст ее производства, с тем чтобы найти новые подходы к «текущей современности» и историческому материалу.

Одно из направлений поисков связано с переосмыслением концепта *«ритм»* и применением в исторической антропологии и политических исследованиях *ритмической теории*, разработанной в антропологии, социологии и лингвистике. Еще в начале прошлого века Марсель Мосс сформулировал тезис: «Человек – это ритмическое животное»⁴. Изучение темы ритма, начатое в конце прошлого века на пересечении философии, социальных наук и поэтики показало, что она содержит в себе мощный эвристический потенциал. Стало ясно, что на протяжении всего XX века с небольшими перерывами ритм являлся объектом пристального внимания не только в естественных науках и философии, но

³ Ландольт. 2009.

⁴ Michon. 2010.

также в социологии, антропологии, психологии, психоанализе, киневедении, литературоведении, медиологии, истории⁵.

Осмысление полученных результатов позволило реконструировать в духе радикального историзма генеалогию концепта *ритм* и предложить другое его содержательное наполнение. Вместо широко распространенного понимания ритма как темпа (метрон), П. Мишон предлагает вернуться к доплатоновскому концепту *rhuthmos*, (букв. *рифма*) который, как показал Э. Бенвенист, означал в Древней Греции «форму движущегося»⁶. Так понимаемый ритм позволяет помыслить и описать то, что раньше представлялось невидимым: не столько интеракции индивид/индивид или система/индивиды, сколько «манеры течения» (*manière de fluer*), общую организацию этих интеракций. В результате на первом плане оказывается процесс «производства» индивидов и выявление темпоральной и пространственной организации этого процесса. Концепт *индивидуация* при этом наполняется новым содержанием.

Как правило, под индивидуацией понимается формирование единичного индивида, принадлежащего самому себе и отличающегося от других. Эта концепция – основа этики и политики либерального индивидуализма и индивидуалистической методологии, которая, по мнению Мишона, во многом себя исчерпала. Считается, что модель «индивиду-собственника» (*individe-possesive*) оформилась в XVII–XVIII вв. Однако в эпоху Просвещения существовала и альтернативная модель, менее заметная. В русле этой модели индивид осмысливается в терминах «манеры», способа существования. Эта модель сформировалась в артистических кругах, в практиках производства и обмена не экономического, а художественного рода. Эту модель использовал Дени Дидро при анализе художественных практик. Она позволяет критически переосмыслить процесс индивидуации. В отличие от «притяжательного индивида» или «индивида-посессива» (понятия введенного в науку Гоббсом и Локком), «индивид-манера» несводим к самому себе, он существует только во взаимодействии с публикой. Среди бесчисленных «способов течения» (*les façons de fluer*) «хорошими» можно назвать те ритмы, которые позволяют единичным и коллективным индивидам найти для себя наилучшую манеру изменения. В идеале это способен сделать творческий человек, художник, поскольку ритмы индивидуации художника не обязательно предполагают состояние борьбы, войны и проч. Один великий мастер не отменяет другого, они нормально сосуществуют.

⁵ Michon. 2005.

⁶ Benveniste. 1966.

По Мишону, процесс индивидуации (единичной и коллективной) включает как минимум три аспекта: «телесность», т.е. техники, организующие «течение тел», (Мишон вводит новый термин *течение* – *le fluement*); «дискурсивность», т.е. техники, организующие языковую деятельность (*langage*), то, что принято сегодня называть дискурсом, и «социальность», т.е. техники, определяющие формы интенсивности взаимодействий тел-языковых практик. Мишон называет это «ритмической организацией процесса индивидуации». Важно, что все три аспекта индивидуации неразрывно связаны между собой. И только в результате переплетения телесности, дискурсивности и социальности конституируются «души». «Ритм индивидуации» Мишон представляет как универсальное свойство человека. В каждый исторический период, в каждой рассматриваемой группе такие техники формируют сложный диспозитив – ритм ритмов. Получается, что индивидуация не сводится к интеракциям между нормами и существующими ценностями, с одной стороны, и сознанием уже оформившихся индивидов, с другой.

Все эти любопытные теоретические размышления позволяют переосмыслить понятия индивида и субъекта, индивидуации и субъективации. В социальных науках, да и в философии субъект, по мнению Мишона, остается неясным пятном, несмотря на то, что очень многое уже сделано. Например, историки давно изучают тело во всех его проявлениях: сексуальность, гендер, восприятие, вкус, обоняние, видение; всесторонне исследуются сансибилите, воля, разум, память, а также эмоции, чувства, воображаемое. Предпринимаются настойчивые, хотя и не всегда успешные попытки понять метаморфозы идентичности. Целый букет блестящих исследований создан в русле исторической антропологии. Но современная историческая антропология по Мишону, это «букет без вазы». Ибо единственная история, которая могла бы придать смысл этому замечательному поиску – история субъекта – до сих пор не написана⁷.

Основными препятствиями для понимания субъекта Мишон считает два обстоятельства. Во-первых, это абсолютизация понятия социального как в холистской перспективе, так и в перспективе методологического индивидуализма, что приводит к смешению концептов субъекта и индивида. Во-вторых, в социальных науках отсутствует лингвистическая теория, которая не сводила бы языковую деятельность к одной из сфер социального. Доминирует философская установка, в которой языковая деятельность сводится к языку, что закрепляет дуализм социального и индивидуального (т.е. индивидуальное противопоставляется социуму).

⁷ Michon. 2011.

Поясню чуть подробнее. После Второй мировой войны в социальных науках понятие социального было основным, а в философии доминировал концепт *язык*. Не было интереса ни к истории субъекта, ни к исторической антропологии субъекта. Если последний изучался, то с объективистских позиций (тело, сексуальность, индивид), а также в психологическом ключе. Проблема его внутренней динамики не ставилась. Однако развитие теории речевой деятельности и поэтики открыли новые перспективы. Ряд авторов (Михаил Бахтин, Эмиль Бенвенист, Анри Мешоник) показали, что языковая деятельность (лангаж) – это не просто подсистема социума, но интерпретант социального. Это деятельность, позволяющая конституировать человеческую жизнь, взаимодействовать с миром и другими людьми. Тем не менее, социальные науки продолжают рассматривать эту деятельность лишь как один из аспектов социального. Нужна историческая антропология субъекта и социума, которая возможна, по Мишону, лишь при признании примата языковой деятельности над практиками социальными.

Какое отношение все эти идеи имеют к власти? Самое непосредственное. Политику нельзя понять без выявления отношения к миру, отношения к дискурсу, без осмысления процессов коммуникации, индивидуации и субъективации.

В современном мире, считает Мишон, традиционные концепции власти не работают. Власть больше нельзя представлять в терминах доминирования государства или борьбы классов. В действительности все социальное тело переплетено силовыми сетями и отношениями власти. Однако политическая власть и сейчас чаще всего представляется как простое следствие способности, присущей каждому индивиду. Человеческое существо наделено способностью рационально определять, что ему нужно и как ему следует действовать в соответствии со своими интересами. Политическая власть, якобы, лишь воплощает борьбу людей за сохранение и повышение их благосостояния, а государство при таком подходе предстает как институт, контролирующий эту борьбу. Микроаналитические подходы к исследованию властных отношений, сохраняя свое значение в ряде случаев, не учитывают темпоральное измерение взаимодействий на разных уровнях и во многом непригодны для анализа современных явлений и процессов.

Власть – не данность, а среда и средство: в ней и посредством нее конституируются единичные и коллективные индивиды, выстраиваются иерархии, связывающие их, а также «эффекты доминирования», проявляющиеся в недрах таких иерархий. Сегодня преобладает интеракционистское понимание власти как результата взаимодействия индивидов и

системы. Однако в концепциях такого рода проблема субъективации недостаточно продумана, хотя многие теоретики и пытались найти здесь некие основания. К примеру, Н. Элиас полагал, что базовым понятием здесь может стать человек желающий (*l'homme de desir*). Тем не менее, процесс субъективации все определеннее видится как становление актора, которое не сводится более к идентификации с самостью, что свойственно неолиберальным представлениям. Становящийся актер понимается как агент своей собственной жизни. Например, так понимает процесс субъективации английский социолог Маргарет Арчер⁸. Она, кстати, тоже использует понятие ритма, но опирается на старое традиционное его понимание как чередование сильного и слабого темпа.

В свете «ритмической организации процесса индивидуации» власть предстает как «ритмический медиум». Еще Ролан Барт в своей первой лекции в Коллеж де Франс, прочитанной в 1976 г., отметил: «Существует неразрывная связь между властью и ритмом. То, что власть предписывает в первую очередь, это ритм (ритм всего на свете – жизни, времени, мысли, дискурса)⁹. В этой лекции Барт дает конкретный пример ритмической текучести без навязывания вертикали. Это дохристианские общины монахов отшельников, живших в III в. до н.э. Характер их общежития Барт называет *идиоритмическим*. Смыслом этих коммун была полная индивидуация членов. Каждому монаху вменялось в обязанность найти свой ритм существования, в том числе для приемов пищи, за исключением одной общей трапезы в неделю. После крещения Константина в 313 г. эти сообщества были распущены. Барт комментирует это в том смысле, что идиоритмия всегда идет в разрез с властью.

Мишон ищет такой способ объяснения процессов индивидуации и субъективации, который позволил бы описать их специфику в каждый исторический момент во всех обществах. Для того чтобы понять властные отношения, ученый предлагает сосредоточиться на действии и его организации, т.е. выявить и описать «манеру течения», способы телесной, языковой и социальной активности, в ходе которой единичные и коллективные индивиды появляются, самоопределяются и исчезают. При этом Мишон проблематизирует широко распространенное объяснение происходящего сегодня общим ускорением исторического развития. Время – важная составляющая такой активности, но скорость ее течения, по мнению ученого, не является определяющей. Важнее, скорее, то, каким образом организованы «способы течения» основных видов такой

⁸ Archer. 2000.

⁹ Barthes. 2002.

активности – телесные, языковые, социальные, т.е. важно показать их ритмы, а также разнообразные качественные характеристики единичных и коллективных индивидов. При этом Мишон обосновывает примат языковой деятельности (лангаж) в этих «способах течения».

Впрочем, еще до Мишона, появились работы, в которых убедительно показана первостепенная роль дискурсивных практик в конкретных обществах. В одной из своих книг Мишон в качестве примера ссылается на известную книгу немецкого филолога Виктора Клемперера «Язык третьего Рейха», в которой он показал, как нацистской власти удалось проникнуть в индивидуально-семейный мир через контроль за ритмами языка. Например, через явную склонность к словам иностранного происхождения или придания некоторым словам уничижительного смысла. Простые немцы этих слов не понимали, но их постоянно использовали в средствах пропаганды, и это оказывало существенное влияние на восприятие происходящего¹⁰.

Можно привести еще один выразительный пример такого дискурсивного исследования. Это книга франко-швейцарского лингвиста Патрика Серио «Анализ советского политического дискурса»¹¹, в которой он описывает «советский способ оперирования языком» на протяжении нескольких десятилетий советского строя. Дискурс советской идеологии хрущевской и брежневской поры во Франции среди знающих русский язык называли «деревянным языком» (*langue de bois*). Он предполагал особое использование языка посредством активизации некоторых его черт, а также формирование особой грамматики и правил лексики. Причем проявлялось это не только в сфере политической, по сути, формировался особый «ментальный мир».

Социальное измерение ритмических индивидуационных процессов, конечно, тоже очень важно, но в свете ритмической теории здесь многие устойчивые представления меняются. К примеру, социальная группа, рассматривается как монтаж разнообразных техник, обуславливающих манеры, в которых человеческие отношения становятся текучими, т.е. не группа предшествует техникам, а техники формируют и преобразовывают группу.

Подводя итог, можно сказать, что по новому понятый ритм представляется Мишону хорошим средством уловить индивида в его текучести. Это открывает новые возможности, в том числе в исследовании власти. А применение ритмической теории в социальных науках делает

¹⁰ Клемперер. 1998.

¹¹ Seriot. 1985.

междисциплинарность и теоретическую рефлексию обязательной составляющей научной работы.

Еще один вопрос. Как относятся коллеги Мишона к тому, что он предлагает? Ему довольно часто приходится давать интервью, где ученый говорит, что есть очень сильное сопротивление этим идеям. В то же время на сайте, созданном в Интернете в 2010 г., уже есть тексты более 130 авторов, и среди них философы и представители всех без исключения наук. Кроме того, за последние десять лет количество и качество исследований, созданных в русле ритмической теории, выросло многократно. В этой связи, Мишон даже высказал предположение о том, что на наших глазах формируется особая ритмическая парадигма. Впрочем, в последнее время подобную фразу произносят часто. Так, например, в связи с проблематикой визуального поворота тоже говорят о новой парадигме. При этом все опираются на куновское понятие парадигмы. Однако Мишон полагает, что это понятие – продукт структуралистской эпохи в истории науки и сегодня тоже нуждается в переосмыслении, по крайней мере для социальных и гуманитарных наук. Но это особая тема.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бауман З.* Текучая модерность: взгляд из 2011 года. [Электронный ресурс]– URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (дата обращения – 12.10.2013).
- Michon P.* Les Rythmes du politique. Démocratie et capitalisme mondialisé. Paris: Les Prairies ordinaires, 2007.
- Ландольт Э.* В ритме происходящего: Рец.: *Pascal Michon. Les rythmes du politique. Democratie et capitalisme mondialise.* Paris. Les Prairies Ordinaires, 2007 // Пушкин. 2009. № 1.
- Michon P.* Marcel Mauss retrouvé. Origines de l'anthropologie du rythme. Les Editions Rhuthmos, 2010.
- Michon P.* Rythmes, pouvoir, mondialisation. Paris: PUF, 2005.
- Benveniste E.* La notion de “rythme” dans son expression linguistique [1951] // Problèmes de linguistique générale. Paris: Gallimard, 1966.
- Michon P.* Comme un bouquet sans vase. Pour une anthropologie historique du sujet et de l'individu. Les Editions Rhuthmos, 2011.
- Archer M.* Being Human: The Problem of Agency. Cambridge University Press, 2000.
- Barthes, Roland.* Comment vivre ensemble. Notes de cours et de séminaires au Collège de France, 1976–1977. Paris; Seuil: IMEC, 2002.
- Клемперер В.* Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998.
- Seriot P.* Analyse du discours politique soviétique. Paris: IMSECO, 1985. 362 p.
- Чеканцева Зинаида Алексеевна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; achekantzev@mail.ru